

DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-4-373-388

Научная статья / Research article

Южнокорейская «молодежная культура» 1970-х и государственная политика модернизации

А.С. Старшинов¹ , Н.Н. Ким²

¹Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова,
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, стр. 1

²Институт востоковедения, Российская Академия Наук,
107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 12

 alex.starshinov@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются особенности проекта модернизации Пак Чонхи и выясняется социально-экономическое и культурное влияние модернизации под руководством государства на возникновение и развитие южнокорейской «молодёжной культуры» 1970-х годов. Авторы выделяют конкретные политические меры и общие социально-экономические тренды, вызвавшие появление «молодёжной культуры»: быстрая урбанизация и резкий рост городского населения; увеличение доходов и уровня потребления домохозяйств; изменения в структуре разделении труда; расширение как школьного, так и университетского образования и распространение средств массовой информации. Наряду с этим анализируется влияние политики частичной и управляемой вестернизации и девелопменталистского дискурса 1960-х годов на формирование ценностей «молодёжной культуры» 1970-х. Результаты исследования объясняют, как такая государственная политика способствовала возникновению «молодёжной культуры» 1970-х, которая парадоксальным образом содержала в себе набор ценностей, отличных как от официальной идеологии периода Юсин, так и от ценностей старшего поколения. Поколение хангыля, родившееся после Корейской войны, стало главной движущей силой этой культуры, но столкнулось с непониманием и осуждением как со стороны старшего поколения, так и со стороны государства. В конце концов, под давлением государства, эта «молодёжная культура» пришла в упадок во второй половине 1970-х годов

Ключевые слова: Республика Корея, Юсин, молодежная культура, модернизация, вестернизация

История статьи: Поступила в редакцию: 02.06.2022. Принята к публикации: 29.06.2022.

© Старшинов А.С., Ким Н.Н., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Старшинов А.С., Ким Н.Н. Южнокорейская «молодежная культура» 1970-х и государственная политика модернизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 4. С. 373–388. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-4-373-388>

South Korean “Youth Culture” of the 1970s and State-Led Modernization

Alexander S. Starshinov¹ , Natalya N. Kim²

¹Institute of Asian and African Studies Lomonosov Moscow State University,
11 Mokhovaya St, Moscow, Russia, 125009

²Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science,
12 Rozhdestvenka St, Moscow, Russia, 107031

 alex.starshinov@gmail.com

Abstract. The article examines features of Park Chung-hee’s project of modernization and identifies socio-economic and cultural influence of such state-led modernization on the creation and development of South Korean “youth culture” of the 1970s. The authors highlight several specific policies and socio-economic trends that led the emergence of “youth culture”: rapid urbanization and drastic increase in urban population; increase in urban families’ incomes and consumption; changes in the division of labor; expansion of both school and university education and dissemination of mass media. Along with that, the article analyzes the influence of the policies of managed westernization and developmentalist discourse of the 1960s on the formation of values of this “youth culture”. The paper explains how these state-led policies paved the way for the creation of “youth culture” that paradoxically contained drastically different values compared to both official discourse of the Yusin government and values of parental generation. The new generation born after the Korean War, the so-called Hangeul generation, became the main driving force behind it, but faced repetitive misunderstanding and condemnation from both the older generation and the state. Eventually, due to state’s pressure, this “youth culture” experienced decline in the second half of the 1970s.

Keywords: Republic of Korea, Yusin, youth culture, modernization, westernization

Article history: Received: 02.06.2021. Accepted: 29.06.2022.

For citation: Starshinov A.S., Kim N.N. South Korean “Youth Culture” of the 1970s and State-Led Modernization. *RUDN Journal of World History*. 2022;14(4):373–388. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-4-373-388>

Введение

Период правления Пак Чонхи (1961–1979) считается решающей эпохой в истории Республики Корея, когда бедное и полуаграрное государство, опустошенное Корейской войной (1950–1953) и пострадавшее от некомпетентной политики Ли Сынмана (1948–1960), прошло через полномасштабную модернизацию и показало значительный экономический рост. Наряду с этим, с точки зрения истории развития южнокорейского

демократического движения, в силу авторитарного характера режима Пак Чонхи его президентство считается «темным временем», в течение которого происходили массовые нарушения гражданских свобод и подавлялись протесты. Можно выделить два периода правления Пак Чонхи: первый — относительно менее авторитарный период до 1972 г. (иногда называемый «мягким авторитаризмом» [1. Р. 8]); второй — после принятия конституции Юсин, установившей фактически режим единоличной власти президента Республики Корея.

Проводимая правительством Пак Чонхи политика модернизации (известная как «модернизация Родины», *Чогук кындэхва*) оказала огромное влияние не только на экономику страны, но и на все сферы жизни, и глубоко повлияла на саму ткань южнокорейского общества. Такая политика, однако, была полна противоречий, так как осуществлялась в крайне сжатых формах, и в которой «динамическое сосуществование несоизмеримых друг с другом исторических и социальных элементов приводило к построению весьма сложной и постоянно меняющейся социальной системы» [2. Р. 446]. Из-за этого правление Пак Чонхи часто рассматривается как ключевой период в южнокорейском опыте «сжатой модернизации» или «сжатой модерности».

Именно в этих условиях в начале 1970-х годов возник новый тип культуры, так называемая «молодежная культура» (*чхоннён мунхва*)¹ — вестернизированная городская культура молодых людей, принадлежавших к поколению, родившемуся после Корейской войны и иногда называемым «поколением хангыля» (*хангыль седэ*)². Этот термин появился потому, что из-за государственной образовательной политики молодежь в большинстве своем писала только на хангыле и их знание традиционных китайских иероглифов было ограниченным. Говоря о «молодежной культуре», следует различать два основных поколения — родительское (часто его называют *кисон седэ*), что можно дословно перевести как «устоявшееся поколение» или «зрелое поколение», в противовес «незрелому») и младшее поколение, вышеупомянутое *хангыль седэ*. «Молодежная культура» 1970-х являлась, по сути, одной из первых форм популярной культуры и была связана с зарождением массового общества в Республике Корея.

Люди, принадлежавшие к поколению хангыля, имели совершенно иной исторический опыт: они не застали японский колониализм и Вторую мировую войну, они также не были свидетелями Корейской войны — напротив, они

¹ Из-за того, что «*чхоннён мунхва*» является самоназванием для этого феномена, а также активно используется в научных и публицистических статьях на корейском языке, данная работа использует кавычки для того, чтобы отделить этот феномен первой половины 1970-х годов («молодежная культура») от молодежных культур в принципе.

² Тем не менее, следует отметить, что между разными поколениями не существует строгих границ, и иногда людей, родившихся в конце 1940-х годов, также относят к поколению хангыля.

видели, как их страна развивалась и восстанавливалась от послевоенной разрухи, избавляясь от полной нищеты. Следовательно, этос этого поколения заметно отличался от идеалов их родителей. Будучи непосредственными реципиентами такой «сжатой модерности», эти молодые люди имели иной набор основных ценностей (они были более индивидуалистичны и гедонистичны), поведения (их эмоциональность и чувственность отличалась от поколения родителей, и часто воспринималась как девиантная), устремлений и предпочтений в культурном потреблении (в плане моды, музыки, литературы, досуга и т. д.).

Основной тезис данного исследования состоит в том, что южнокорейская «молодежная культура» 1970-х годов была, по сути, побочным продуктом государственной политики модернизации. Это явление можно полностью понять только в социально-политическом, экономическом и культурном контекстах, созданных модернизационной политикой Пак Чонхи, и эти же контексты определили время ее возникновения (начало 1970-х годов). Таким образом, цель данного исследования заключается в выявлении влияния различных аспектов модернизации под руководством государства на создание и развитие южнокорейской «молодежной культуры» 1970-х годов. Подчеркивая различные направления такой политики, которая во многих отношениях привела к непредвиденным результатам, авторы надеются внести свой вклад в дискуссии о последствиях модернизации под руководством государства в незападных странах, часто проводимой в чрезвычайно «сжатой» форме.

«Молодежная культура» 1970-х и социально-экономическая политика Пак Чонхи

Вопрос о том, почему южнокорейская «молодежная культура» возникла именно в 1970-е годы, напрямую относится к проекту «модернизации Родины» в целом. 1970-е действительно стали его пиком, когда государство сосредоточилось на развитии тяжелой и химической промышленности³, а также на модернизации сельской местности в рамках Движения за новую деревню⁴. Однако, хотя это время стало определяющим не только с точки зрения экономического развития Республики Корея, но и в идеологическом и дискурсивном плане, сама основа для возникновения «молодежной культуры» была заложена ранее, в 1960-е годы.

³ Стремление Пак Чонхи развивать тяжелую и химическую промышленности восходит к началу 1960-х годов, но оно было отложено до 1970-х «из-за отсутствия иностранного капитала и технологий, а также ограниченных возможностей государства по принудительному сбережению» [3. Р. 119].

⁴ Движение за новую деревню было начато в 1970 г., но его активное внедрение началось именно после принятия конституции Юсин [4. Р. 133–147].

Модернизационная политика Пак Чонхи в целом не была последовательной и монолитной. К примеру, Джон Ли отмечает, что Пак Чонхи изначально не выступал за экспортно-ориентированную экономику и был больше сосредоточен на создании экономически независимого государства, экспортирующего сырье, полезные ископаемые и сельскохозяйственные товары, а потому «расхожее мнение, что южнокорейские планирующие органы [с самого начала] проводили экспортноориентированную стратегию индустриализации, является ретроспективным конструктом» [5. Р. 55]. Стратегия экономического развития Республики Корея стала такой, какой мы ее знаем, только во второй половине 1960-х годов — более того, в ней происходили существенные изменения и в конце 1960-х, и в 1970-е [5. Р. 55–117]. Следовательно, чтобы понять влияние политики модернизации на «молодежную культуру», следует изучить социально-экономические изменения, происходившие на протяжении всего периода правления Пак Чонхи.

Во-первых, с начала 1960-х и на протяжении 1970-х годов в Республике Корея происходила *стремительная урбанизация и миграция сельского населения в крупные города* (преимущественно в Сеул). По данным Пак Мённима, в период с 1960 по 1966 год из сельской местности в города мигрировало в общей сложности 1 409 000 человек, и темпы такой миграции еще больше выросли в период с 1966 по 1970 год, что привело к совокупной миграции более чем 2 млн человек в Сеул [6]. Следовательно, к началу 1970-х годов крупные города уже впитали в себя большие массы населения, что послужило фундаментом для развития «молодежной культуры» — более того, такая миграционная картина сохранится на протяжении всего десятилетия.

Несмотря на то, что чрезмерная миграция вела к переизбытку рабочей силы и серьезному социальному неравенству внутри города, она способствовала формированию новой идентичности горожан (в противовес сельским жителям). При сохранении классового деления и неравномерного распределения доходов внутри города после первых двух успешных пятилеток *доходы южнокорейских семей в среднем значительно выросли* [7], что привело к *росту потребления*. Например, данные, приведенные Ким Воном, свидетельствуют о том, что национальное потребление в целом увеличилось с 245,7 млрд вон в 1961 г. до 10 трлн вон в 1977 [8. С. 276]. В частности, такой рост уровня потребления позволил молодежи (в основном из среднего класса, но и низшие классы получили больше возможностей потреблять культурные блага) стать отдельной группой потребителей, способной влиять на процессы культурного производства.

Повышение покупательной способности среди молодежи произошло благодаря прогрессу в разделении труда и индустриализации, в результате которого молодежь среднего класса получила возможность не принимать участия в устоявшихся процессах производства. Так Ли Херим замечает, что в традиционных обществах все молодые люди должны стать

основными агентами производства по достижении определенного возраста, но к 1970-м годам часть городской молодежи «была освобождена от обязанности [участия в] труде и производстве» [9. С. 15]. Значительно выросло количество занятий для подработки: репетитором, ассистентом в институте или других организациях, билетером и т. п. У молодых людей появились различные возможности откладывать себе карманные деньги [9. С. 15]. Такая повышенная финансовая независимость позволила молодым людям самим решать, какие культурные продукты потреблять, что привело к другой модели потребления и поведения в свободное время, легко отличимой от старшего поколения.

Одним из важных факторов, оказавших влияние на отличную от родителей идентичность поколения хангыля, также была проводимая с 1960-х годов государственная *политика по расширению начального, среднего и высшего образования*. Расширение образования отвечало задачам подготовки квалифицированных работников и менеджеров, необходимых как для эффективного государственного управления, так и для заполнения новых рабочих мест, создаваемых в процессе модернизации производства. Но распространение всеобщего школьного образования имело дополнительные политические импликации, поскольку использовалось правительством для идеологической обработки и дисциплинирования населения с раннего возраста. Вместе с этим расширение системы начального образования не только дало молодым людям больше возможностей для трудоустройства, но и универсализировало их школьный опыт, таким образом сделав их более сплоченным социальным классом.

Несмотря на то, что в 1970-х годах студенты университетов все еще были относительно малочисленной привилегированной социальной группой, их число было намного больше, чем десять лет назад. Примечательно также и то, что противоречия в образовательной политике Пак Чонхи привели к ряду социальных проблем, например, к проблеме *чэсусэнов*⁵, которая была особенно серьезной до второй половины 1970-х годов [8. С. 356–363]. Но парадоксальным образом эти *чэсусэны* в то же время составляли значительную часть «молодежной культуры» 1970-х годов. Например, Ли Ёнми отмечает, что «„молодежную культуру“ 1970-х годов часто объясняют, сосредотачиваясь на студентах, но это объяснение справедливо только с той точки зрения, что студенты руководили направлением этой культуры. Однако в количественном отношении студенческая молодежь была довольно небольшой группой. Учащиеся средних и старших классов,

⁵ Проблема *чэсусэнов* («занимающихся учебой для повторной сдачи вступительных экзаменов») была связана с единым государственным экзаменом, необходимым для поступления в университет. Не получив нужное количество баллов или провалив экзамен, выпускники школ тратили по несколько лет на обучение в *хагвонах* (частных школах дополнительного образования) для успешной пересдачи экзамена.

чэсусэны и подростки, отказавшиеся от поступления в университет, были гораздо более многочисленны, чем студенты, и они составляли крепкий фундамент, который поддерживал эту „молодежную культуру“ [10].

Помимо роста экономической самостоятельности и образованности, еще одним условием, определявшим субъектность городской молодежи с 1960-х и на протяжении 1970-х годов стало *распространение средств массовой информации* (радио, ТВ, газет и т. д.) и широкомасштабное распространение массовой культуры через них. С середины 1960-х годов радио расширило свое присутствие в повседневной жизни — если в 1953 г. количество радиоприемников составляло всего 180 000, то в 1963, когда появилось коммерческое радио, оно увеличилось примерно в 9 раз до 1 666 000, а в 1973 г. — до 4 447 000 [11. С. 194]. Вместе с тем в 1970-х годах наблюдался быстрый рост количества телевизоров, особенно в крупных городах. Согласно имеющейся статистике, количество телевизоров в стране в 1970 г. составляло менее 400 тыс., а в 1979 г. их количество уже достигло почти 6 млн [12].

Роль в поддержке и распространении этих медиа принадлежала и государству: оно не только отказалось от монополизации новых видов СМИ, но и финансово поддерживало их; или же, к примеру, инициировало движение по отправке радио в деревни [13]. Оба этих типа СМИ должны были функционировать как идеологические инструменты, поддерживающие военную диктатуру. Ли Херим подчеркивает, что «средства массовой информации распространялись на институциональном уровне в политических целях. Военный режим в то время нуждался в средстве [...] для установления собственной легитимности и распространения идеологии „модернизации Родины“» [9. С. 18]. Тем не менее, эти медиа активно использовались «молодежной культурой» и способствовали ее распространению. Например, радио стало одним из важных каналов распространения музыки, созданной молодежью. Существовало несколько ди-джейских программ, к примеру, в форме ночных радиопрограмм, таких как «Полуночный дозвон», «Тебе, кто забыл ночь» и «Звездная ночь», которые представляли недавно записанные песни и рассказы слушателей, особенно молодых слушателей. Даже телевидение (медиа, которое гораздо более жестко контролировалось государством) показывало «молодежную культуру» в начале 1970-х годов, ярким примером чего было транслировавшееся на KBS-TV в начале 1973 г. шоу «Марш молодежи», где молодые фолк-исполнители исполняли свои песни [14].

Эти социально-экономические изменения оказали глубокое влияние на ценности и взгляды подрастающего поколения и провели черту между ними и поколением их родителей. Такое фундаментальное межпоколенческое различие лучше всего выражено в одной из статей, опубликованной в августе 1970 г. в газете «Чунан ильбо» под названием «Поколение хангыля среди тревог и конфликтов»:

«Сегодняшнее поколение хангыля не жило в социальных условиях страданий, бедности, беспокойства и давления, как поколение родителей. В отличие от старшего поколения, они не жили в эпоху, когда нельзя было выбирать ценности, когда нельзя было критиковать ценности и где допускалось только послушание. Как таковые, они живут в обществе с улучшенным экономическим благосостоянием, которое сформировалось в [более] открытых социальных условиях. Эти условия роста и развития естественным образом создали различия в их образе мышления и ценностях» [15].

Таким образом, социально-экономические условия модернизации под руководством государства стали основой для возникновения «молодежной культуры» 1970-х годов в Республике Корея. Несмотря на то, что некоторые ранние формы молодежных культур существовали и до этого времени, их масштаб был гораздо меньше и они не существовали в контексте массового общества. Соответственно, только в 1970-е годы социально-экономические условия позволили возникнуть относительно массовой молодежной культуре.

«Молодежная культура» 1970-х и дискурсы вестернизации и традиции

Кроме общей социально-экономической политики, на становление «молодежной культуры» оказали решающее влияние и более широкие дискурсивные аспекты «модернизации Родины». Таким образом, чтобы полностью понять это явление, важно изучить культурные и идеологические аспекты правления Пак Чонхи, уделив особое внимание сложным отношениям между модернизацией и вестернизацией в рамках проекта *Чогук кындэхва*, а также на то, как эти отношения менялись с течением времени.

Несмотря на противоречия в экономической политике Пак Чонхи, отмеченные ранее, можно сказать, что с момента его прихода к власти экономическое развитие естественным образом становилось приоритетным по сравнению с другими сферами общественной жизни. Кроме того, по крайней мере в этой области конечная цель (превращение в богатую и развитую страну) была ясна, даже если процесс достижения такой цели не был. В этом смысле дихотомия *хучжингук-сончжингук* (неразвитая, отстающая страна — развитое, передовое государство) была одной из важнейших идеологических конструкций как в 1960-е, так и в 1970-е годы. Эта идеологема делила страны на два типа: во-первых, богатые западные (или, по крайней мере, вестернизированные, как Япония) государства с развитой индустриальной экономикой; во-вторых, бедные незападные (и, следовательно, невестернизированные) государства, не прошедшие через модернизацию. В книге «Путь нации: идеология социальной реконструкции» (выпущенной в начале 1960-х, вскоре после военного переворота) сам Пак Чонхи писал о том, что «очевидно, что мериллом цивилизации сегодня является Запад».

[16. С. 11]. Внутри этой дихотомии упор делался на количественные критерии, такие как ВВП, ВВП на душу населения, объемы производства и экспорта (как специфические аспекты экономики развитых стран) [16. С. 12] или, говоря словами Ким Чжонгхэ, «девелопменталистские термины» [17. Р. 388].

На протяжении 1960-х годов Республика Корея постоянно маркировалась как «неразвитая страна», и для того, чтобы снять оковы бедности и отсталости, корейцам надлежало приложить все усилия для участия в экономике модернизации. Пройдя через нее, страна сможет в будущем, наконец, стать «передовым государством», так что эта дихотомия, по сути, действовала как дополнительный инструмент политической и экономической мобилизации. Главной моделью и конкретным образом «развитой страны» для РК были США, что во многом было следствием их тесных политических и экономических связей. Кан Мёнгу пишет, что «США, внедряя западные идеи и товары в Южную Корею во время ускоренной модернизации [...], стали образцом, которого Республика Корея должна была придерживаться во всех секторах. [...] Южная Корея стремилась походить на США [...] в политике, общественном устройстве, экономике и культуре» [18. Р. 183].

Кроме того, дискурс «передового государства» был тесно связан свосприятием корейской истории, культуры и даже идентичности. На протяжении 1960-х годов Пак Чонхи неоднократно осуждал корейскую традиционную культуру (неотъемлемой частью которой было конфуцианство или, если быть точнее, неоконфуцианство) как «коренную причину фракционности, формализма, лакейства и непрактичного дискурса, которые „деформируют“ политическое развитие, вызывают социальный застой и тормозят прогресс науки и техники» [3. Р. 124]. До периода Юсин Пак Чонхи также определял корейскую историю как «историю, от которой следует избавиться, историю подчинения сильному, фракционности и унижений», в таких книгах, как вышеупомянутый «Путь нации: идеология социальной реконструкции» [19].

Из-за этого в 1960-е годы политика государства колебалась между стремлением к экономической модернизации и пренебрежением к традиционным корейским ценностям. Однако, поскольку модернизация сама по себе была универсализирована на основе исторического опыта Запада, она была неизбежно связана с вестернизацией. Более того, в 1960-е годы правительство Пак Чонхи целенаправленно продвигало вестернизацию в некоторых сферах жизни, например, в моде [20]. Стоит отметить, что основные императивы, стоявшие за этим, носили экономический и прагматический характер (например, традиционный ханбок был неудобен для выполнения фабричных работ и требовал много ткани для его изготовления), тем не менее они оказали определенное влияние на сознание подрастающего поколения хангыля.

Другим ярким примером политики вестернизации, напрямую повлиявшим на зарождающуюся «молодежную культуру», которая имела

тенденцию быть сексуально более открытой и эмоциональной, была семейная политика. Государственная Программа планирования семьи была направлена на поощрение сексуальности (особенно женской, что подробно освещалось в различных журналах, выходивших в рамках этой программы), что шло вразрез с традиционными конфуцианскими представлениями [21. С. 809]. Несмотря на то, что основная причина такой политики носила опять же экономический характер (правительство Республики Корея стремилось снизить высокую рождаемость, поскольку она считалась препятствием для экономического развития), она имела долгосрочные последствия. В результате жесткая связь между сексом и деторождением, присущая корейской традиционной культуре, была разорвана путем добавления категории удовольствия, что было быстро воспринято молодым поколением.

Одной из наиболее важных частей политики вестернизации была трансформация образовательной системы, которая уже была вестернизирована (или, если быть точнее, американизирована) в 1960-х и начале 1970-х годов, когда поколение хангыля ходило в школу и получало начальное и среднее образование. Ли Ёнми пишет, что:

«Как поколение, которое не испытало колониального господства или войны, в школе они изучали хангыль, корейскую историю и *демократию в американском стиле*, они росли, *постоянно видя [людей], стремящихся к либерализму в американском стиле*, и их старших братьев и сестер, которые протестовали. Более того, такие молодые люди, рожденные в послевоенной атмосфере, составляли „большинство“, а взрослые проявляли удивительное рвение, чтобы дать образование [своим детям], дабы как следует воспитать этих „детей новой страны“» [10].

Внутривестернизированной системы школьного образования происходило знакомство поколения хангыля с западной культурой, иногда даже в ущерб корейской традиционной культуре. Ян Хиын, знаковая фолк-исполнительница 1970-х, писала, что «даже во время уборки в школе мы слушали *менуэты*» [22] и, отвечая на критику касательно того, что «молодежная культура» слишком вестернизирована и «не принадлежит корейской традиции», задавала в ответ другой вопрос: «Но разве это наша вина в том, что у нас никогда не было возможности познакомиться с *пхансори* или другими традиционными корейскими музыкальными инструментами и мелодиями во время школьного обучения?» [22].

Тем не менее, в 1970-х годах (а точнее, после принятия конституции Юсин) Пак Чонхи изменяет свою политику в отношении вестернизации и модернизации. С этого времени он начинает активно утверждать и развивать традиционную корейскую культуру, которая теперь рассматривалась как ключевой элемент построения нового общества. Более того, для реализации этой новой идеологии было реорганизовано государственное управление

культурой. Культурная сфера стала более институционализированной (в случае, например кинематографа) и подверглась жесткой цензуре. Для поддержки «здоровой» (то есть идеологически правильной) культуры правительство также вводило пятилетние планы культурного развития, и в 1970-е годы эти планы в основном тратились на традиционную культуру [23. Р. 40].

После принятия новой конституции Юсин в 1972 г. взгляд Пак Чонхи на национальную историю претерпел изменения. С успехом Планов по экономическому и социальному развитию и установлением режима Юсин он начинает описывать корейский исторический опыт как «историю преодоления многих невзгод и национальных кризисов» [23. Р. 40]. Таким образом, только в 1970-е годы национализм полностью перерос в новую форму национальной гордости, и уже не был самоуничижительным, как это было в прошлом.

Кроме того, с начала 1970-х Пак Чонхи начал горячо превозносить сельских жителей и сельские районы в целом. До этого сельская местность и люди, которые там жили, были первоочередными объектами модернизации, символом отсталости, однако в 1970-х Пак Чонхи начал подчеркивать важность сельской местности в противовес городам. Хван Бёнчжу отмечает, что Пак Чонхи «критиковал город как место, подобное Содому и Гоморре, которое было испорчено вестернизацией, и восхвалял сельские районы как сокровищницу давних национальных традиций» [8. С. 192]. С этой точки зрения сельская местность и ее жители были поставлены в центр новой стратегии «модернизации без вестернизации».

В этой ситуации режим Пак Чонхи также начал подчеркивать критику вестернизации и выступать за незападный модернизационный дискурс, сильную национальную идентичность и субъективные национальные взгляды. Ко всему прочему, это было связано и с дискурсивной стратегией «локализации» демократии на политическом уровне [24. С. 103]. Государство предпринимает попытку частичного возрождения традиционных корейских ценностей именно в 1970-е годы, когда корейская национальная идентичность воспринималась как стремительно исчезающая в процессе модернизации, а некоторые интеллектуалы выступали за «кореизацию» модернизации. В этом смысле весь этот процесс может быть отчасти понят как «политизация традиционных ценностей вообще и конфуцианства в частности, и как „конфуцианизация современности“» [25. Р. 134].

Таким образом, более точным способом описать идеологическую и культурную политику Пак Чонхи в 1960-х годах было бы назвать ее попыткой *частичной и управляемой вестернизации*. В целом государственная стратегия того времени предусматривала вестернизацию ради модернизации, и степень такой вестернизации в основном диктовалась экономическими стимулами, которые позволили бы экономике страны расти. Однако эта «центрированность» на экономике имела далеко идущие

последствия, которые в конечном итоге вышли за рамки чисто экономических и прагматических измерений и вылились на другие сферы жизни, а именно в культурную сферу.

К началу 1970-х гг., когда произошла переориентация государственного дискурса с управляемой вестернизации на «кореизацию» модернизации, поколение хангыля уже получило начальное и среднее образование в более вестернизированной среде (более того, внедрение в систему образования или подконтрольных власти СМИ этих «заново открытых» традиционных ценностей не было быстрым и легким процессом). При этом было бы преувеличением утверждать, что государство полностью отказалось от политики вестернизации — в некоторых сферах продолжали преобладать тенденции по вестернизации, например, в отношении планирования семьи или сексуальной политики (хотя опять же это почти полностью диктовалось экономическими соображениями) [21]. Тем не менее, этот идеологический сдвиг произошел относительно поздно, и к 1970-м годам урбанизированное поколение хангыля уже оторвалось от жестких традиционных ценностей, присущих старшим поколениям.

Это, в свою очередь, повлияло на их восприятие Кореи, ее социальных и культурных особенностей, и сделало молодых людей, выросших в 1960-х годах, более восприимчивыми к западной культуре и менее восприимчивыми к корейской традиционной культуре и ценностям. Обозначая Республику Корея как неразвитую страну, которая всеми силами должна была стремиться к уровню США, Японии или стран Европы, государство способствовало тяги молодежи к культурным продуктам западного образца.

Выросшее в этих условиях поколение хангыля видело, что наиболее политически близкое развитое государство — США — отличается не только экономически, но и культурно, и информацию о современной американской культуре вообще и американской контркультуре в частности можно было легко найти в газетах и еженедельных журналах того времени. Интересно, что такие настроения прямо выражались в некоторых газетных статьях — рассуждая на тему молодежных культур в принципе, Ким Бёнйик еще в 1970 г. писал, что «несмотря на то, что Республика Корея является государством, не развитым экономически (*кёнчжечжок хучжингук*), она чувствительна к «передовой культуре» (*сончжин мунхва*), и признаки молодежной культуры медленно, но широко проявляются, вне зависимости от того, возникают ли они естественным образом или являются просто модными веяниями» [26].

Иными словами, дискурс «передового государства», транслируемый властью, стал дополнительной предпосылкой для «молодежной культуры». Начиная с 1960-х годов южнокорейская молодежь стремилась подражать американским культурным тенденциям, связанным с зарождающейся

там молодежной культурой, например, в моде (мини-юбки, длинные волосы) или музыке (психоделический рок и фолк-музыка). Очевидно, что частичная вестернизация в этом смысле неизбежно началась сразу после окончания Второй мировой войны, когда американские солдаты высадились на Корейском полуострове, но контекст стремления стать развитой страной многократно способствовал такой вестернизации. К середине — концу 1960-х годов молодые южнокорейцы перешли от простого подражания американской культуре к созданию локализованных и вполне аутентичных ее версий — например, корейский рок или фолк-музыка имели иные культурные коннотации и стилевые особенности по сравнению с аналогами в США, и они играли особенно важную роль в южнокорейской «молодежной культуре» 1970-х годов. Именно в это время меняется и сущность популярной музыки, и «вместо того, чтобы просто быть инструментом развлечения [...] поп-музыка все больше стала признаваться как способ социального и политического самовыражения» [27. С. 31].

Южнокорейская «молодежная культура» 1970-х, являясь результатом государственной политики модернизации, была чужда (или даже враждебна) режиму Юсин, который маркировал ее как «декадентскую» и вводил различные меры, направленные на ее подавление (запрет некоторых песен, запрет на дискотеки, поддержание комендантского часа, мероприятия по контролю длины волос и мини-юбок и т. д.). В конце концов, все это привело к ее распаду после 1975 г., когда были приняты «Президентские чрезвычайные меры по охране национальной безопасности и общественного порядка», которые усилили идеологический контроль за сферой культуры, и разразился так называемый «марихуановый скандал», во время которого под арест попали ключевые деятели «молодежной культуры» 1970-х годов [28. С. 298–302].

Заключение

Таким образом, политика модернизации, проводимая правительством Пак Чонхи, создала социально-экономическую основу для возникновения «молодежной культуры» в начале 1970-х годов, городской культуры поколения хангыля, которая находилась под влиянием западных трендов и была одной из первых форм поп-культуры в Республике Корея. Необходимо выделить несколько конкретных политик и социально-экономических тенденций: стремительная урбанизация и резкий рост городского населения; рост доходов городских семей, что привело к росту потребления; изменения в разделении труда; расширение как школьного, так и университетского образования и распространение средств массовой информации. Говоря об идеологической сфере, особое внимание следует уделить вестернизации 1960-х годов, обусловленной стремлением РК стать развитой страной,

подобно США, а также меняющейся политике в отношении традиционной культуры и ценностей.

«Молодежная культура» 1970-х годов достигла такого масштаба и приобрела свои черты именно в этих социально-экономических условиях. По большому счету, в 1960-е правительство Пак Чонхи стремилось провести модернизацию, которая включала бы лишь частичную и управляемую вестернизацию ради экономического развития. Однако всесторонне контролировать приток западной культуры и новых ценностей оказалось невозможным, и молодежь, выросшая в то время, впитала их и стала менее чувствительной как к государственной идеологии, так и к ценностям старшего поколения.

Ценности поколения хангыля, выросшего в 1960-е, противоречили изменениям в идеологии проекта модернизации, произошедшие после принятия конституции Юсин. Таким образом, «молодежную культуру» 1970-х годов можно назвать как *побочным продуктом государственной политики модернизации*, так и своего рода ответом на нее. В конечном итоге «молодежная культура» того времени столкнулась с сильным давлением со стороны государства и пришла в упадок во второй половине 1970-х. Последующие формы молодежных культур будут отличаться от нее, так как они возникнут в других социально-экономических и политических условиях.

Библиографический список / References

1. Kim B. Introduction: The Case for Political History. In Kim B., Vogel E., editors. *The Park Chung Hee Era. The Transformation of South Korea*. Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard University Press; 2011, p. 1–31.
2. Chang K. The Second Modern Condition? Compressed Modernity as Internalized Reflexive Cosmopolitization. *The British Journal of Sociology*. 2010;61(3):444–464. <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2010.01321.x>
3. Moon C., Jun B. Modernization Strategy: Ideas and Influences. In Kim B., Vogel E., editors. *The Park Chung Hee Era. The Transformation of South Korea*. Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard University Press; 2011, p. 115–139.
4. Kim H.-A. *Korea's Development Under Park Chung Hee: Rapid Industrialization, 1961–1979*. London: Routledge; 2004.
5. Lie J. *Han Unbound: The Political Economy of South Korea*. Stanford, Calif: Stanford University Press; 1998.
6. Park M. The Chayea. In Kim B., Vogel E., editors. *The Park Chung Hee Era. The Transformation of South Korea*. Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard University Press; 2011, p. 698–699.
7. Tonggyero bon Daehan Mingug 60nyeonui gyeongje, sahoesang byeonhwa [Changes in South Korean Economy and Society Over the Last 60 Years Through Statistics]. *Statistics Korea*. 2008. Available from: <https://www.korea.kr/news/pressReleaseView.do?newsId=156014161>. [Accessed 08.06.2022] (In Korean)
8. Kwon Boduerae, Kim Sung-hwan, Kim Won, Cheon Jeon-hwan, Hwang Byong-ju. *1970 Park Chung-hee modeonijeum*. [1970s, Park Chung-hee's Modernism]. Seoul: Cheonnyeonusangsang; 2015. (In Korean)

9. Lee Hye-rim. 1970nyeondae cheongnyeong munhwa guseongcheui yeoksajeong hyeongseong gwajeong — daejung eumagui sobi yangsanggeul jungsimeuro. [The Historical Process of the Formation of Youth Culture of the 1970s — Focusing on the Consumption Patterns of Popular Music]. *Sahoe yeongu*. 2005;6(2):7–40. (In Korean)
10. Lee Young-mi. Mwangae michyeosseonneunde geugeon jayuyeotdeora. [They Were Crazy about Something, but That Was Freedom]. *Hankyoreh*. 2017 Oct 16. Available from: https://www.hani.co.kr/arti/culture/culture_general/814487.html. [Accessed 09.06.2022] (In Korean)
11. Song Eun-young. 1960~70nyeondae Hanguki daejung sahoehwawa daejung munhwaui jeongchiyeong uimi. [The Political Significance of Popular Culture and Mass Socialization in the Republic of Korea in the 1960s and 1970s]. *Sangheo hakoe*. 2011;32:187–226. (In Korean) <https://doi.org/10.22936/sh.32..201106.005>
12. Paek Mi-sook. Hanguk tellebijeonui geundaeyeok seonggyeok, 1956~1979: migukwa, jogukgeundaehwa, Yusin chejewa daejung munhwa. [The Modern Character of South Korean Television, 1956~1979: Americanization, Modernization of the Fatherland, Yusin System, and Popular Culture]. Available from: https://www.much.go.kr/online_exhi/av/pdf/pdf_file_bms.pdf [Accessed 09.06.2022] (In Korean)
13. Lee Yong-seong. Mingan bangsongui jeongchakgwa sangeom bangsong sidaeu dora. [The Settlement of Private Broadcasting and the Advent of the Era of Commercial Broadcasting]. *Uriyeoksanet*. Available from: http://contents.history.go.kr/mobile/km/view.do?levelId=km_020_0030_0050_0020 [Accessed 11.06.2022] (In Korean)
14. Lee Yeon-sileseo Cheon In-kwonkaji noraereul wihae salmeul beotda. [From Lee Yeon-sil to Cheon In-kwon... To Sacrifice Life for Music]. *Shin Donga*. 2003, Apr 28. Available from: <https://shindonga.donga.com/3/all/13/102441/5> [Accessed 10.06.2022] (In Korean)
15. Buran galdeungsogui Hangeul sedae. [Hangeul Generation amidst Anxiety and Conflict]. *Joongang Ilbo*. 1970, Aug 14. Available from: <https://www.joongang.co.kr/article/1251082> [Accessed 10.06.2022] (In Korean)
16. Kang Jung-in, Jung Seung-hyun. Hanguk hyeondae jeongchiui geunbon eoneo: mangguk, gaejo, seonjingugui damnon. [The Fundamental Language of Contemporary Korean Politics: Crisis of the State, Reform of the State and Advanced Country]. *Hanguk jeongchi yeongu*. 2011;20(3):1–27. (In Korean)
17. Kim J. South Korea's Developmentalist Worldview: Representations and Identities in the Discourse of "Seonjingu". *Asian Journal of Social Science*. 2014;42(3/4):383–408. <https://doi.org/10.1163/15685314-04203007>
18. Kang M. Compressed Modernization and the Formation of a Developmentalist Mentalité. In Kim Hyung-A, Sorensen Clark W., editors. *Reassessing the Park Chung Hee Era, 1961–1979: Development, Political Thought, Democracy, & Cultural Influence*. Seattle: University of Washington Press; 2011, p. 166–186.
19. Sim Jin-young, Kim Ji-won, Bae Jang-hyeon. Dokjae jeonggwonui 'gukga=na' jipdan senoe, gaein, nodong, ingwoneun dwitjeonieotda. [The "State = Me" Collective Brainwashing of the Dictatorship... Individuality, Labor and Human Rights Were Neglected]. *Kyunghyang Shinmun*. 2015, Aug 24. Available from: https://www.khan.co.kr/feature_story/article/201508192224405 [Accessed 08.06.2022] (In Korean)
20. Park J.K., Thanommongkol P. "Shock of Daughters": Fashion, Unisex Style, and Gender Politics in South Korean Media (1970s–1980s). *Acta Koreana*. 2020;23(2):79–104. <https://doi.org/10.18399/acta.2020.23.2.004>
21. Cho E. Making the 'Modern' Family: The Discourse of Sexuality in the Family Planning Program in South Korea, *Sexualities*. 2016;19(7):802–818. doi:10.1177/1363460715624455
22. Yang Hee-eun. Cheongbaji gasudo hal mal itda. ["A Singer in Jeans" also Has Something to Say]. *Chosun Ilbo*. 1974, Sept 29. Available from: <https://newslibrary.naver.com/viewer/index.naver?articleId=1974092900239104002&editNo=1&printCount=1&publishDate=1974-09-29&officeId=00023&pageNo=4&printNo=16458&publishType=00010> [Accessed 09.06.2022] (In Korean)

23. Yim H. Cultural Identity and Cultural Policy in South Korea. *International Journal of Cultural Policy*. 2002;8:37–48. <https://doi.org/10.1080/10286630290032422>.
24. Hwang Byung-joo. Park Chung-hee chejeui jibae damnon — geundaehwa damnoneul jungsimeuro. [The Dominant Discourse of Park Chung-hee's System — Focusing on the Discourse of Modernization]. [Dissertation]. Seoul; 2008. (In Korean)
25. Kyong-Dong, K. *Confucianism and Modernization in East Asia: Critical Reflections*. Palgrave Macmillan, Singapore; 2017.
26. Kim Byong-ik. Cheongnyeong munhwai taedong. [The Birth of Youth Culture]. *Tonga Ilbo*. 1970, Feb 19. Available from: <https://newslibrary.naver.com/viewer/index.naver?articleId=1970021900209205003&editNo=2&printCount=1&publishDate=1970-02-19&officeId=00020&pageNo=5&printNo=14880&publishType=00020> [Accessed 09.06.2022] (In Korean)
27. Maliangkaij R. Supporting Our Boys: American Military Entertainment and Korean Pop Music in the 1950s and Early-1960s. In Keith Howard, editor. *Korean Pop Music: Riding the Wave*. UK: Global Oriental; 2006, p. 21–33.
28. Kang Joon-man. Hanguk hyeondaesa sanchaek: 1970nyeonda 2. [A Walk through South Korean Modern History: 1970s, Part 2]. Seoul: *Inmulgwa sasangsa*; 2009. (In Korean)

Информация об авторах:

Старшинов Александр Сергеевич — аспирант Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: alex.starshinov@gmail.com ORCID: 0000-0001-9169-1414 Researcher ID: GOH-1207-2022

Ким Наталья Николаевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, e-mail: nkim@iaas.msu.ru ORCID: 0000-001-7728-7968. SPIN РИНЦ: 2804-0219 ResearcherID: J-8327-2015

Information about the authors:

Alexander S. Starshinov — post-graduate student at the Institute of Asian and African Studies (Lomonosov Moscow State University), e-mail: alex.starshinov@gmail.com ORCID: 0000-0001-9169-1414 Researcher ID: GOH-1207-2022

Kim Natalya N. — PhD in History, Research Fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science, e-mail: nkim@iaas.msu.ru ORCID: 0000-001-7728-7968. SPIN-RSCI: 2804-0219 ResearcherID: J-8327-2015